

"Русская бездна" Максимилиана Волошина

А.В. НИКОЛАЕВА,
кандидат филологических наук

Предметом пристального внимания М. Волошина на протяжении всего творчества была история России, её место и судьба в современном мире. Поэт считал, что его долг быть "соучастником" важных для отечества событий. И когда он оказался в центре гражданской войны, жестокой братоубийственной бойни, это стало невыносимым для него испытанием, всё происходящее воспринималось им как зло, непростительная, роковая ошибка, изначально лишённая права на существование. Марина Цветаева в воспоминаниях о Волошине приводит его краткий диалог с матерью:

— Мама, не могу же я влезть в гимнастёрку и стрелять в живых людей только потому, что они думают, что думают иначе, чем я.

— Думают, думают. Есть времена, Макс, когда нужно не думать, а делать. Не думая — делать.

— Такие времена, мама, всегда у зверей — это называется животные инстинкты" (Цветаева М. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 207).

Волошин напряжённо ищет ответ: в чём смысл творившихся вокруг разрушений, ломки устоев, морали, надвигающегося хаоса?.. Будучи человеком высочайше образованным, он в стихах и статьях, написанных в 1917–1920 годы, рассматривает революционные перемены в свете дней минувших, с точки зрения всей русской истории, где происходящее — лишь звено в общей цепи событий. Обладая историческим мышлением, поэт считал необходимым представить читателю два взгляда — изнутри и извне. "Нет ничего более трудного, как найти слова, формулирующие современность. Художественное слово, и особенно слово ритмическое, не выносит той условной, поверхностной, газетной правды, разговорной правды, в которой изживается нами каждый текущий миг. Для того, чтобы увидеть текущую современность в связи с общим течением истории, надо суметь отойти от неё на известное расстояние. Обычно оно даётся временем. Но, чтобы найти соответствующую перспективную точку зрения теперь же — в текущий миг, поэт должен найти её в своём мирозерцании, в своём представлении о ходе и развитии мировой трагедии" (Волошин М. Россия распятая. М., 1992. С. 39; далее это издание цитируется только с указанием стр.).

Суровая реальность подтолкнула поэта к поиску новых, непри-

вычных для читателя художественных форм, с помощью которых можно было бы наиболее полно и убедительно воссоздать картину происходящего в России. Так, цикл стихов этого времени он сопровождает комментариями и пояснениями публицистического характера, а в статьях активно использует стихотворные строки.

Обратимся к волошинской статье "Русская бездна" (1919). Она начинается строками: "Воистину в судьбах России скрыта тайна, вызывающая ужас и головокружение. Прикосновение к сердцу её – для чужеземца смертельно.

Польша в Смутное время, Карл XII, Наполеон испытали эти ответные удары, поражающие громом, как прикосновение к библейскому Ковчегу Завета.

Когда слабели люди, на защиту Руси выступала стихия и отвечала врагу то морозом, то пламенем пожаров, то непреодолимыми пространствами. (...)

Чётко памятен тот весенний вечер, когда, глядя с вышки своей мастерской, я увидел на пустынном Киммерийском побережье германских всадников, спешившихся у моря.

В появлении этих серых, квадратно очерченных знакомых фигур здесь, на окраинах русского мира, на привычном фоне Коктебельского залива, было нечто фантастическое и величественное: мерещились римские воины у ворот Парфянского Царства и Македонская фаланга на берегах Инда" (93).

Поэт вглядывается в современность, вызывая в читательской памяти и воображении события давно минувшего времени и картины дня сегодняшнего. Если, по определению Осипа Мандельштама, "действительность носит сплошной характер", то прозаический текст Волошина предстаёт перед нами "как прерывистый знак непрерывного" (Мандельштам О. Читая Палласа // Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси, 1990. С. 365).

Осип Мандельштам писал: "...только та проза действительно хороша, которая всей своей системой внедрена в сплошное, хотя его невозможно показать никакими силами и средствами" (Там же). Волошину удалось достичь "сплошного" наполнения действительности именно благодаря постоянной смене картин изображаемого, сужением спектра рассмотрения от глобальных, эпохальных исторических полотен до сцен из своей личной жизни.

Жгучие вопросы современности не только уходят корнями в глубь столетий, но и в них находят своё разрешение:

"Что пожар Москвы, погубивший Наполеона, сравнительно с большевицкой одержимостью, грозящей гибелью всей Европейской государственности?

Россия – бездна.

Россия – омут.

Россия – болотная топь, засасывающая всякого чужеземного завоевателя, осмелившегося протянуть руку к Москве" (94).

Эмоциональная напряжённость создаётся здесь наслоением однотипных образов ("Россия – бездна. Россия – омут. Россия – болотная топь..."), экспрессивным синтаксисом. А в другом отрывке образное воздействие достигается введением в текст известной библейской сентенции:

«Большевизм нельзя победить силой оружия.

Когда Москва и Петербург будут взяты, он уйдёт внутрь, в подполье... <...>

Свойство бесов – дробление, множественность.

"Имя мне – легион".

Изгнанный из одного одержимого, бес становится множеством, населяет целое свиное стадо, а свиное стадо увлекает своих пастухов вместе с собою в бездну» (95).

Кажется, что созданная картина вполне законченна и в смысловом, и в эмоциональном плане. Но поэта явно не устраивает собственная привязанность к конкретным событиям, столь откровенная оценка происходящего; он считает это крупным недостатком любого произведения; по его мнению, автор должен быть вне времени, он призван "творить свою вневременную работу" (125). Поэтому Волошин подкрепляет прозаический текст стихотворением, в котором связь поэтических образов с действительностью не столь очевидна.

Был к Иисусу приведён
Родными отрок бесноватый –
Со скрежетом и в пене он
Валялся корчами объятый.
"Изыди, дух глухонемой!" –
Сказал Господь.
И демон злой
Сотряс его и с криком вышел.
И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен...
А Он сказал:
"Сей род упорен:
Молитвой только и постом
Его природа одолима" (95).

Этот художественный пересказ библейской притчи имеет более условное, чем в прозе, сходство с происходящим в России. И всё же в приведённых стихах заметен повтор уже заявленных в прозаическом тексте идей, правда, на высоком, христианско-нравственном уровне. Благодаря введению стихотворных строк, служащих целям создания

единого образа и находящихся вне личных авторских оценок, статья приобретала качественно новое звучание. Привлечение библейской лексики (*отрок бесноватый; изыди, дух; демон злой*) демонстрировало принципиально иную культурно-идеологическую позицию, выводило читателя на иной уровень восприятия.

В стихотворении нет никаких примет сегодняшнего времени. Речь идёт и о прошлом, и о будущем. Силы зла не имеют конкретного обличья, тогда как в прозаическом тексте они обозначены – большевики. Личные оценки автора лишь угадываются, его гражданская позиция приобретает характер общечеловеческой. Отсюда и эпическая тональность, и активное использование церковной лексики.

В прозаическом тексте авторские рассуждения полны безысходной уверенности в необратимой победе сил зла:

"Перегонять бесов из человека в свинью, из свиньи в бездну, из бездны опять в человека – это значит только способствовать бесовскому коловращению, вьюжной метели, заметающей русскую землю" (95).

Однако следом звучит уверенность в победе над врагами человечества.

И вот зываем мы: "Прииди!"
А Избранный вдали от битв
Куёт постами меч молитв
И скоро скажет:
"Бес! Изыди..." (96).

Небольшой стихотворный отрывок вступает в явное и победное противоборство с авторскими рассуждениями о силах зла. Поэт, невольно подчиняясь воздействию библейского сюжета, далее рассматривает нашествие большевизма уже не как неистребимую напасть, а как испытание, которое должно очистить Россию. Личные взгляды и пристрастия отступают при обращении к библейской тематике. Это точка всеобщего объединения и примирения. Поэт подчёркивает, что он не в силах предугадать и верно оценить движение истории. Он на позиции человека, которому не дано знать больше, чем он видит вокруг себя. И эта томительная неизвестность отражена в следующем стихотворном отрывке:

Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье?
Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокружение...
Бездна... безумие... бред... (...)
Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат...
Год – и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят.
Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарщ:
Прикосновение – смерть!... (99–100).

Эмоциональное воздействие этих строк достигается с помощью номинативных предложений (*омут... стремнина... бездна... безумие...*), форм экспрессивного синтаксиса (вопросительные предложения, восклицательные). Использованный поэтом эллипсис демонстрирует здесь не просто пропуск слов или словосочетаний, а как бы намеренное отсутствие каких-либо логических связей в предложении. Создается иллюзия отрывочности представлений человека о мире. Исторические факты сменяются описанием внутренних переживаний лирического героя. Стиль предельно близок авторскому в прозаических строках. Достигается это, в частности, благодаря использованию современных форм обращения: "Не суйся, товарищ..."

Исполненными веры в будущее России звучат строки, венчающие статью:

Мы погибаем, не умирая.
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво! – горит, не сгорая,
Неопалимая Купина. (100)

Поэт сумел подняться над "обезумевшей реальностью" и приблизиться к пониманию судьбы России. Родина погибает – но в этом залог её бессмертия. Через гибель к вечной жизни. Отсюда и символ Неопалимой Купины – горящего и несгорающего куста, из которого звучит глас Божий.

Разъясняя своё отношение к блоковской поэме "Двенадцать", Волошин писал: "...какое дело такому поэту, как Блок, до остервенелой борьбы двух таких далёких ему человеческих классов, как так называемые буржуазия и пролетариат {...} Для поэта в этой борьбе могут быть интересны только два порядка явлений: великие мировые силы, увлекающие людей помимо их воли {...} или трагедия отдельной человеческой души, кинутый в тёмный лабиринт страстей и заблуждений..." (132).

В статье "Русская бездна" Волошин попытался представить трагедию личности через движение мировой истории. Судьба человека, попавшего в водоворот событий, преподносится читателю как личная трагедия автора. Говорится о том, что ответы на вопросы современности надо искать в прошлом или в будущем. Сам же автор, застигнутый в определённой временной точке, не властен делать какие-нибудь выводы и обобщения, поскольку вокруг него только "омут, стремнина, бездна, безумие, бред...". Однако роль пассивного наблюдателя, не могущего охватить картину мира во всей её полноте, тяготит его. И уверовавший в созидательную силу творчества, поэт творит не просто высокохудожественное произведение, правдиво и ёмко передающее атмосферу революционных дней, но и предсказывает в нём грядущую судьбу России.